

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2023-4-94-105

В. Е. Добровольская¹

*Российский государственный университет
им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва)*

«СТРАШНЫЕ» СКАЗКИ В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ: К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ РЕДКИХ СЮЖЕТНЫХ ТИПОВ

В статье рассматриваются сказки, относящиеся к двум сюжетным типам 480В* и 333В, в которых девушка сталкивается с неким мифологическим персонажем, угрожающим ее жизни. Помимо отмеченных в указателе сказочных сюжетов, выявлен ряд не включенных в индекс сюжетных типов текстов. В рассматриваемых сказках есть сходные сюжеты, связанные с вопросами об увиденном в доме. В обоих сюжетах могут встречаться мотивы встречи с иномирными существами или лесными зверями. В сюжете 480В* строго закреплён мотив добывания огня. В 333В доминирует мотив каннибализма. Помимо этого, выявлен неотмеченный в указателе сюжетный тип, в котором героиня сталкивается с преследованием мифологического персонажа (Зеленой головы, Калёных зубов), от которых она обычно спасается.

Ключевые слова: русская сказочная традиция, сюжетный тип, мифологические персонажи, каннибализм, страшные сказки

V. E. Dobrovol'skaya

The Kosygin State University of Russia (Moscow)

"SCARY" FAIRY TALES IN THE RUSSIAN FOLKLORE TRADITION: ON THE QUESTION OF ATTRIBUTION OF RARE PLOT TYPES

The article discusses fairy tales related to two plot types 480B* and 333B, in which a girl encounters a certain mythological character threatening her life. In addition to the fairy-tale plots noted in the index, a number of plot types of texts not included in the index have been identified. The plots of fairy tales under consideration are similar to each other and related to the motif of questioning about what the heroine had seen in the house. In both plots, there may be motives of meeting with otherworldly creatures or forest animals. In the plot 480B*, the motive of getting fire is strictly fixed. In 333B, the cannibalism motif dominates. In addition, a plot type not marked in the index has been identified, in which the heroine is faced with the persecution of a mythological character (Green Head, Red-hot Teeth), from which she usually escapes.

Keywords: Russian fairy tale tradition, plot type, mythological characters, cannibalism, scary fairy tales

---

¹ Варвара Евгеньевна Добровольская – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского искусствоведения Института славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва), dobrovol'ska@inbox.ru.

К проблеме страха в контексте традиционной культуры одним из первых обратился Ю. М. Лотман в своих работах «О семиотике понятий стыд и страх в механизме культуры» и «Охота за ведьмами: семиотика страха» [Лотман, 1970, с. 98–101; Лотман, 2003, с. 45–62]. В 2005 г. вышел сборник статей «Семиотика страха» [Семиотика страха, 2005], авторы которого проанализировали идеологию и художественные функции страха преимущественно в литературе. Несколько раньше психологи и фольклористы начали разрабатывать тему страха в детском фольклоре, преимущественно в страшилках и вызываниях, а также в текстах запретов и предписаний, которыми пугали детей [Осорина, 1986; Белоусов, 2005; Шевцов, 2006, с. 43–64; Чередникова, 2002; Топорков, 1998]. В последние годы появляются работы, связанные со страхом в Интернет-фольклоре [Мирвода, 2018а, с. 38–48; Мирвода, 2018б, с. 206–214; Мирвода, 2018в, с. 61–78]. Обращались к теме страха и специалисты по несказочной прозе, прежде всего мифологической [Левкиевская, 2008а, с. 341–363; Левкиевская, 2006, с. 24–34; Левкиевская, 2008б, с. 111–122]. Фольклорная сказка не попадала в поле зрения исследователей страшного достаточно долго и только в последнее время в научно-популярной литературе и средствах массовой информации появились рассуждения о том, что русская сказка изобилует страшными сюжетами. Однако анализ сказочных текстов показывает, что в большинстве случаев страшными являются не сюжеты сказок, а их персонажи. Более того в основном корпусе сказочных текстов страх может вызывать даже не сам персонаж, а его действия. Так, например, в сказках СУС 161 «Медведь на липовой ноге» и 163 «Пение волка» для слушателя страшны не сами медведь и волк, а песни, которые они поют. Многие исполнители вспоминали, что в детстве они боялись именно этих песен, а не самих животных [Добровольская, 2017, с. 19–27]. Страх вызывают и Баба-Яга, утаскивающая мальчика, и лошадиная голова, общающаяся с оставленной в лесу падчерицей, и два похитителя прекрасных царевен: Змей и Кощей. Все эти персонажи действуют в сказках, относящихся к ядру сказочных сюжетов.

Более того, если сказки о волке и медведе могут рассматриваться как страшные, поскольку в них возможен трагический конец (волк может съесть всех обитателей дома, медведь уничтожить старика и старуху, сделавших его инвалидом), то все остальные персонажи скорее страдающие. Бабе-Яге не удалось съесть ни одного мальчика, напротив, именно ребенок обманом заталкивает ее в печь и в ряде случаев зажаривает ее (и почти всегда зажаривает ее дочерей, если они предусмотрены сюжетом). Лошадиная голова пугает своей обособленностью от туловища (ни Морозко, ни Баба-Яга, ни медведь не вызывают страха в данном типе сюжетов). Никакого вреда падчерице лошадиная голова не причиняет, она одаривает девушку, обеспечивает ей богатое приданное и счастливое замужество. Конечно, дочка мачехи получает от лошадиной головы по заслугам, но для слушателя в большинстве случаев это ожидаемо, а значит не страшно. Змей и Кощей страшны своим обликом, но герои равнодушны к их внешности и спокойно их побеждают, а следовательно проблема страха для слушателя сказки снимается.

Однако в русском сказочном репертуаре есть сюжеты, которые заканчиваются весьма трагично, и именно они вызывают неподдельный страх слушателя. Наиболее показательным в этом отношении является сюжет СУС 425М «Жена ужа», в котором несколько страшных эпизодов (уж, заползший на рубашку девушки; сватовство ужей и их проникновение в дом; расспросы детей родственниками матери и собственно убийство ими ужа; превращение вдовы и детей в растения и животных) [Подробнее см. Добровольская 2015, с. 90–98; Добровольская 2017, с. 202–220].

Помимо данного сюжетного типа безусловно страшными являются еще два типа сказок СУС 480В* «Мачеха и падчерица» и СУС 333В «Людоедка». В корпусе русских сказочных текстов они стоят особняком. Довольно часто при атрибуции сюжетных типов их путают, поскольку в сказках есть сходные мотивы.

Традиционно сюжет СУС 480В* известен по варианту из сборника А. Н. Афанасьева [Афанасьев, 1984, с. № 104]. Место записи данной сказки неизвестно и большинство исследователей склоняется к тому, что текст подвергнулся литературной обработке [Афанасьев, Примечания, 1984, с. 463]. В рассматриваемом варианте говорится о том, что падчерица подвергается притеснениям со стороны мачехи и ее дочерей. Они загружают девушку непосильной работой, но той во всем помогает куколка – подарок умершей матери. Однажды мачеха дает всем трем девушкам работу и оставляет им единственный источник света – свечу. Когда на свече появляется нагар, одна из дочерей мачехи как-бы нечаянно гасит ее. Злые сестры отправляют Василису за огнем к Бабе-Яге. Героиня идет по лесу, встречает трех всадников – белого, красного и черного, доходит до избышки Яги, которая окружена забором «из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей у ворот – ноги человечьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами» [Афанасьев, 1984, с. 129]. Попав в дом Яги, девушка выполняет задания хозяйки, задает ей вопросы о том, что она видела по дороге к ней, но не спрашивает о том, что видела в доме. Яга дает ей один из черепов, и девушка приносит его домой. Череп светом из пустых глазниц сжигает мачеху и ее дочерей. Сказка таким образом заканчивается благополучно для падчерицы. Следует обратить внимание на то, что девушка спрашивает только о том, что она видела по дороге к дому Яги. Судя по всему, именно правильные вопросы героини и обеспечивают благополучный финал сказки.

Данный вариант со счастливым финалом является образцом для данного сказочного типа. Отметим также, что на формирование представления о сюжетной схеме данной сказки повлиял и визуальный ряд. Сказку о Василисе иллюстрировали многие художники, например Б. В. Зворыкин, но каноничность данного сюжета закрепили рисунки И. Я. Билибина. Более того, еще до революции этот сюжет активно использовался в массовой культуре, например в упаковке сладостей (см. декор коробок фабрики Абрикосова). Однако у И. Я. Билибина из шести иллюстраций к данной сказке, доминирующей стала та, где Василиса с черепом возвращается от Яги. Именно это изображение и стало своеобразным каноном для данного сюжета. У других художников и в массовой культуре в дореволюционный период

предпочтение отдавалось чудесным всадникам. Некоторым исключением являются русские лаки, авторы которых соединили изображение девушки с черепом и чудесных всадников. Надо отметить, что в ряде случаев они заменяли человеческий череп на череп животного, и сделали практически обязательным элементом изображения куколку девушки. Таким образом, закрепление афанасьевского варианта сюжета в массовой культуре произошло через его визуализацию. Эта же визуализация закрепила и сюжетную схему для указателя, выделив наиболее значимые элементы сказочного повествования: «Падчерицу посылают за огнем к Бабе-яге; с помощью чудесной куклки она выполняет трудные поручения Бабы-яги и получает огонь; мачеха и ее дочери погибают» [СУС, 1979, с. 142]. Отметим, что для данного варианта сказки единственным «страшным» эпизодом является дорога к дому Яги и описание избушки.

Однако указатель сказочных сюжетов предлагает нам и другие варианты данного сюжетного типа.

Как вариант СУС 480В* отмечен текст, опубликованный в сборнике Смирнова [Смирнов, 2017, № 294]. Он записан в 50-х гг. XIX века в Пермской губернии. В данном варианте девушка живет с родителями, она не падчерица и у нее нет сестер. «Однажды вечером старуха нечаянно погасила огонь» [Смирнов, 2017, с. 261]. Это становится причиной отправки девушки в соседнюю деревню. По дороге она встречает трех всадников, которые советуют ей не ходить за огнем, так как ее съест Хам. Однако Васииса их не слушает и попадает в дом, где «лежат руки и ноги человека» [Смирнов, 2017, с. 261]. Это место оказывается дом Хама и тот, увидев девушку, задает ей вопрос о том, что она видела по дороге. Героиня перечисляет все, что видела по дороге и в самом доме, а потом хозяин «...хам, хам, хам ... и съел девушку» [Смирнов, 2017, с. 261]. В этом тексте есть не только звукоподражание проглатыванию пищи, но и имя персонажа, основанное на нем – Хам. Как видим, девушка нарушила правила и задала больше вопросов, чем надо, и они также касались того, что она видела не только по дороге, но и в доме антагониста.

Еще один текст о девушке, которая хотела получить огонь опубликован в сборнике «Русские сказки Пермского края, в записях конца XX – начала XXI века» [Русские сказки Пермского края 2020: № 43]. Он записан от Варвары Михайловны Сторожевой, 1902 г.р. в д. Усть-Уролка Чердынского района. В нем героиня живет с родителями, в доме гаснет огонь, и она отправляется за ним в лес. По дороге девушка встречает трех всадников, которые предупреждают ее о том, что надо вернуться домой, так как в противном случае ее «Норушка съест». Героиня пренебрегает опасностью и попадает в избушку, где стоят бочки с кровью и лежат части человеческих тел. Любопытная девушка заглядывает в голбец и видит там Норушку, которая задает ей вопрос о том, что именно она видела до встречи с ней. Девушка задает вопросы обо всем, в том числе и о том, что видела в доме. Норушка должна ее съесть, однако сказочница об этом не упоминает, хотя и говорит, что дети боялись этой сказки. Несмотря на деформированный финал, понятно, что девушку должны съесть. Сказочница использует и междометье «Ах!» в конце повествования и замечание о том, что дети «вздрыгнут».

Еще один текст, в котором девушка отправляется на поиски огня был записан в сентябре 2002 г. в экспедиции аспирантов и докторантов ИВГИ РГГУ в Пермскую область (в настоящее время Пермский край). Его рассказал Иван Семенович Тиунов из поселка Северный коммунар Сивинского района. В сказке рассказывается как одна из трех сестер, стремясь напрямь как можно больше пряхи отправляется в лес за огнем к Хамке. По дороге она встречает зайца, лису, волка и медведя, которые предупреждают ее об опасности. Однако девушка их не слушает. Попав в дом Хамки она видит много непонятных вещей, но они не страшные. А. В. Рафаева отмечает, что «в сказке оказались опущены детали, подчеркивающие каннибализм лесного демона (красный костюм – человеческая кожа, брюква в печке – человеческая голова и т. д.) и следовательно опасность грозившую героини» [Рафаева, 2003, с. 42]. Действительно, в повторной записи эти детали есть и понятно, что девушке угрожает опасность. Однако Хамка, удивленная смелостью девушки, дает ей огонь и та, благополучно возвращается домой.

Таким образом, текст, записанный в Сивинском районе близок, с одной стороны к сказке из сборника Афанасьева, где девушка получает огонь от Яги, а с другой – к текстам, где девушку съедает Яга, Хам или Норушка. Однако в тексте Афанасьева, кроме черепов ничто не указывает на людоедство Яги. Более того и они не выступают полноценным знаком каннибализма мифологического персонажа, поскольку череп на оgrade в сказках скорее знак некой победы над его обладателем. Такие черепа на оградах могут окружать дворец Царь-девицы, символизируя ее победы над богатырями, терема умных царевен, загадки которых не могут отгадать потенциальные женихи и т. д.

В других вариантах помимо черепов появляются и другие части человеческих тел: отрубленные руки и ноги, бочки с кровью и т. д. В этом случае сомнений в каннибализме мифологического хозяина лесной избушки не возникает. И в этом случае поход за огнем становится лишь поводом пойти в лес и быть съеденной. Счастливый исход в данном случае не предусмотрен.

Крайне редко счастливый финал есть и в другом сюжетном типе, который часто путают с рассмотренным выше СУС 480 В*.

Так, еще один текст, опубликованный в сборнике А. М. Смирнова [Смирнов, 2017, № 151], был записан в 1852 г. в селе Чермышьево Козмодемьянского уезда Казанской губернии. В нем девушка также не падчерица, а Яга, к которой она идет, ее крестная. Девушка в день своих именин несет крестной пирог, а не обращается к ней за получением огня. По дороге героиня встречает трех всадников, которые предупреждают, что ей угрожает опасность. Девушка попадает в дом Яги и видит: «вороты заперты ногой», «на дворе стоит кадка крови», «сени заперты рукой», «дверь заперта пальцем» [Смирнов, 2017, с. 483–484] и т. д. Яга задает крестнице вопрос о том, что девушка видела по дороге к ней и та, перечисляет все, включая то, что она видела в доме. Яга объясняет значение увиденного, но после «рассердилась, сказала: “Хам-хам, съем тебя”. Так и съела девушку» [Смирнов, 2017, с. 484]. В этом варианте присутствует своеобразное звукоподражание проглатыванию пищи, хотя антагонист сохраняет традиционное имя – Яга. В данном

варианте девушка скорее всего нарушила правила, она задала лишние вопросы, которые касались того, что происходит в избушке Яги.

Данный текст, несмотря на близость к приведенным выше относится к другому сюжетному типу – СУС 333В «Людоедка», в котором девушка идет в гости к тетке / крестному и на пути встречает различных персонажей, которые предупреждают героиню об опасности.

В том же сборнике Смирнова есть текст, в котором героиня идет к своему божатухе, который когда-то окрестил девушку [Смирнов, 2017, № 73]. По дороге ей встречается «обоз весь белый: лошади белые, телеги, кладь и извозчики – все белые». Извозчики показывают ей дорогу, но ни о чем не предупреждают. Попав в дом крестного, девушка осматривает его и видит кадушку полную крови, печку, на которой лежат «голова и руки человеческие» и т.д. Когда появляется крестный – девушка задает ему вопросы, на которые тот отвечает. Однако в этом варианте не вопросы являются причиной гибели девушки. Крестный зовет ее за стол и предлагает отведать человечины. Девушка соглашается – и нарушение нравственной нормы провоцирует ее гибель – крестный «бросился на свою крестницу и начал глотать у нее груди, а потом съел ее всю живьем, не выходя из-за стола» [Смирнов, 2017, с. 330].

Еще в одном тексте из того же сборника [Смирнов, 2017, № 102] людоедкой становится мать девушки. Героиня выходит замуж и несколько лет не навещает мать, а когда отправляется к ней, то по дороге встречает животных, которые предупреждают ее об опасности. Девушка им не верит, но, когда доходит до матери понимает, что они были правы. Она видит человеческие головы, бочки с кровью и т.п. Она застаёт мать за тем, что та «ишь людененочка» [Смирнов, 2017, с. 382]. Девушка задает матери вопросы об увиденном, и та ей отвечает. Когда задан последний вопрос о съеденном ребенке, мать съедает и дочь.

В сборнике «Русские сказки Пермского края, в записях конца XX – начала XXI в.» [Русские сказки Пермского края, 2020, № 52] представлен текст, записанный в деревне Мухоморка Юрлинского района от Татьяны Петровны Никитиной, 1939 г.р. Сказка полна таинственных и страшных деталей, при этом героиня не покидает свою деревню. Родители уезжают и велят дочери позвать подружек, чтобы не ночевать одной. Девушка отправляется звать подружек и встречает Каленые зубы, которые делают девушке предложение: «тебе товариш буду» [Русские сказки Пермского края, 2020, с. 143], но девушка отказывается. Каленые зубы таинственным образом проникают в дом и обводят подруг героини головешкой, после чего те засыпают мертвым сном, а проснувшись жалуются на головную боль и слабость. На вторую ночь они отказываются ночевать у девушки, поскольку не могут прийти в себя после предыдущей ночевки. Каленые зубы приходят ночевать к героине. Несмотря на все попытки девушки потянуть время Каленые зубы заставляют ее лечь с ними и вынуждают ее задать им ряд вопросов, ответы на которые позволяют понять, что Каленые зубы – мертвец («Три года землей я лежал!» [Русские сказки Пермского края, 2020, с. 144]). После последнего вопроса Каленые зубы съедают девушку («Ам! Тебя съем!» [Русские сказки Пермского

края, 2020, с. 144]). Девушка невольно своими вопросами раскрывает сущность персонажа-антагониста и за это съедена.

Другой текст, в котором действуют Каленые зубы записан в деревне Кривец Череповецкого района Вологодской области от С. В. Зеленцовой и опубликован в сборнике «Кадуйские сказки» [Кадуйские сказки, 2020, с. 46–47]. В этом варианте родители девушки уезжают на базар, подружки собираются у Машеньки «женихов в колечко выглядывать» [Кадуйские сказки, 2020, с. 46]. Колечко падает в подпол и Машенька, спустившись за ним видит, что «там в углу сидят Калёные зубы в красной рубахе» [Кадуйские сказки, 2020, с. 46]. Каленые зубы требуют от девушки обещания выйти за них замуж, Машенька соглашается, возвращается к подружкам. Она рассказывает им о происшествии в погребе и те убегают, испугавшись Каленых зубов. Противник героини поднимается из подпола в избу, девушка кормит его, а затем хитростью отрубает голову, которая, однако, преследует Машеньку, но той удается убежать. В этом случае, сказка кончается благополучно для героини.

Имя персонажа – Каленые зубы скорее всего связано с устойчивым фольклорным эпитетом, где слово каленый имеет значение «обработанное калением железо». Подтверждением того, что слово «каленый» в сказках является синонимом слова «железный», выступают «каленые орехи», которые герой грызет соревнуясь с чертом. В ряде случаев они прямо называются железными. Слово «каленый» в сказке всегда обозначает железо. Поэтому, скорее всего персонаж Каленые зубы – это некое существо с железными зубами. Такая аномалия зубов характерная черта мифологических персонажей (ср. Железозубый еретик). Красный цвет рубахи также указывает на мифологическую природу персонажа [Подробнее об именах персонажей данных сюжетных типов см.: Добровольская, 2022, с. 108–112]. Сказка в данном случае имеет счастливый финал, поскольку девушка спасается. Вероятно, причиной спасения можно считать отсутствие вопросов к Калёным зубам. Сказка развивается по схеме другого сказочного типа «Жених-мертвец» (СУС 365), в которой героиня спасается от преследователя, совершая правильные действия [Камшилова, 2010, с. 38–56].

Еще один текст записан в с. Сепыч Верещагинского р-на от Федосеевой Н. И., 1924 г.р. (ФА ПГУ). Родители отправляются на базар и оставляют дочку одну. Героиню начинает преследовать Зеленая голова, но умная девочка «открыла она тогда погреб, а рядом на лавке горшок с маслом поставила, а сама в песку залезла». Зеленая голова учуяла запах масла и, позарившись на лакомство, свалилась в погреб, где и умерла.

Наконец, в деревне Городище Осиновского района Пермского края от Чеклиновой Е. Г. 1895 г.р. (ФА ПГУ) была записана сказка, где девушки вообще нет. Родители оставляют детей одних, и они идут к дедушке Фоме, у которого в доме в место запора рука человеческая, вместо вожжей – кишки, вместо булок – женские груди и т.д. Когда дети видят бочку с кровью, то дедушка объясняет им, что это пиво, после чего «Фома детей и убивает. И родители больше никогда не видят своих мальчиков и девочек».

Таким образом, текстов о девушке, подвергающейся опасности от лесного демона, к настоящему времени существенно больше, чем отмечено в указателе как применительно к сюжетному типу 480В*, так и к 333В. В рассматриваемых сказочных типах есть сходные мотивы, связанные с вопросами об увиденном в доме. Вероятно именно это, приводит в ряде случаев к неверной атрибуции сюжетов. Так, в указателе сюжетов два текста из сборника Смирнова, № 151 и № 294 отмечены и как принадлежащие к сюжетному типу СУС 480В* и сюжетному типу СУС 333В, хотя анализ данных текстов показывает, что № 151 это вариант СУС 333В, а № 294 вариант СУС 480В*.

В обоих сюжетных типах могут встречаться мотивы встречи с кем-то по дороге к дому мифологического персонажа. Но в сюжете СУС 480В* встречные безмолвны, а в СУС 333В – они могут предупреждать героиню об опасности. С сюжетным типом СУС 480В* строго закреплен мотив добывания огня, которого нет в СУС 333В, зато в ряде случаев там присутствует мотив посещения крестного.

Помимо этого, существует неотмеченный в указателе сюжетный тип, в котором героиня никуда не удаляется от дома, но сталкивается с преследованием мифологического персонажа: Зеленой головы или Калёных зубов, от которых она обычно спасается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афанасьев, А. Н.** Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. I / А. Н. Афанасьев. – Москва: Наука, 1984. – 494 с.
2. **Белоусов, А. Ф.** Детский фольклор: итоги и перспективы изучения / А. Ф. Белоусов, В. В. Головин, Е. В. Кулешов, М. Л. Лурье // Первый всероссийский конгресс фольклористов. – Москва: ГРЦРФ, 2005. – С. 216–239.
3. **Добровольская, В. Е.** «Папа нам рассказывал». Сказки в репертуаре Марфы Зайцевой с фазенды Санта-Крус / В. Е. Добровольская // Традиционная культура. – 2017. – № 2. – С. 19–27.
4. **Добровольская, В. Е.** Хам и Каленые зубы: имена персонажей сказки сюжетного типа СУС 480В* / В. Е. Добровольская // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы V Международной научной конференции. Редакционная коллегия: Е. Л. Березович (отв. ред.), Сурикова О. Д. (отв. ред.), Борисова (отв. секр.), С. О. Горяев, Н. В. Кабинина, М. Э. Рут; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2022. – С. 108–112. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/116955> (Дата обращения: 14.07.2023).
5. **Добровольская, В. Е.** История фиксации сказки «Жена ужа» (425М) у русских / В. Е. Добровольская // Традиционная культура. – 2015. – № 4. – С. 90–98.

6. **Добровольская, В. Е.** Тверские сказки об ужовой невесте (СУС 425М) в контексте общерусской сказочной традиции / В. Е. Добровольская // Фольклор Большой Волги. Сб. науч. ст. / Сост. В. Е. Добровольская, Дынникова И. В., Ипполитова А. Б., Строганов М. В. – Саратов: Центр культурных стратегий и проектного управления, 2017. – С. 202–220
7. **Кадуйские сказки** для детей. Сказки, легенды, былички и небылицы, записанные в Кадуйском районе и его окрестностях / Автор-составитель А. Ф. Каданцев // Историко-краеведческий журнал «Свещец». – 2020. – № 6. – С. 5–95.
8. **Камшилова, Е. И.** Тверские сказки о женихе-мертвецце. Из архива РГПУ имени А. И. Герцена / Е. И. Камшилова // Вестник Тверского государственного университета. – 2010. – № 4 (Филология). – С. 38–56.
9. **Левкиевская, Е. Е.** Мифологическая система детских страшилок в сравнении с традиционной мифологией / Е. Е. Левкиевская // Детский фольклор и культура детства: Материалы научной конференции «XIII Виноградовские чтения». – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2006. – С. 24–34.
10. **Левкиевская, Е. Е.** Быличка как речевой жанр / Е. Е. Левкиевская // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня. Сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост.: А. С. Архипова, М. А. Гистер, А. В. Козьмин. – Москва: РГГУ, 2008. – С. 341–363.
11. **Левкиевская, Е. Е.** Страх смерти в детской страшилке в сравнении с традиционной мифологией / Е. Е. Левкиевская // Категории жизни и смерти в славянской культуре. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. – С. 111–122.
12. **Лотман, Ю. М.** О семиотике понятий стыд и страх в механизме культуры / Ю. М. Лотман // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, 17–24 августа 1970 г. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1970. – С. 98–101.
13. **Лотман, Ю. М.** Охота за ведьмами: семиотика страха / Ю. М. Лотман // Slavic almanac (The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies), 2003. – Vol. 2003. – № 12. – С. 45–62.
14. **Мирвода, Т. А.** Детский страшный повествовательный фольклор: к вопросу о жанровом многообразии традиции / Т. А. Мирвода // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. Ноябрь. – С. 38–48
15. **Мирвода, Т. А.** Детские страшные истории как объект и форма пародирования в фольклоре Рунета / Т. А. Мирвода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. – 2018. – № 4. – С. 206–214
16. **Мирвода, Т. А.** Детский «страшный» повествовательный фольклор: к проблеме разработки указателей. Модель указателя / Т. А. Мирвода // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 9 (42). – С. 61–78.

17. **Осорина, М. В.** «Чёрная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории / М. В. Осорина // Знание – сила. – 1986. – № 10. – С. 43–45.

18. **Рафаева, А. В.** Фольклорные традиции Верхочамья. Сказки / А. В. Рафаева // Живая старина. – 2003. – № 3. – С. 41–42.

19. **Русские сказки Пермского края** в записях конца XX – начала XXI в. / А. В. Черных (отв. ред.), В. Е. Добровольская, И. И. Русинова, И. А. Подюков, М. Е. Суханова, О. С. Сивков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, С. Ю. Королева. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край».) – Санкт-Петербург: Мама-тов, 2020. – 240 с.

20. **Семиотика страха** / Сост. Нора Букс и Франсис Конт. – Москва: Русский институт: Издательство «Европа», 2005. – 456 с.

21. **Смирнов, А. М.** Великорусские сказки: сборник А. М. Смирнова: [в 2 кн.]. – Иваново: Роца, 2017. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания; Т. 9).

22. **Сравнительный указатель сюжетов.** Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Ленинград: Наука, 1979. – 438 с.

23. **Топорков, А. Л.** Пиковая дама в детском фольклоре / А. Л. Топорков // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. – Москва: Ладомир, Назрань: АСТ, 1998. – 743 с.

24. **ФА ПГУ** – Фольклорный архив Пермского государственного университета.

25. **Чередникова, М. П.** «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре) / М. П. Чередникова. – Москва: Лабиринт, 2002. – 224 с.

26. **Шевцов, В. А.** Страшный детский повествовательный фольклор: жанры и тексты / В. А. Шевцов // Детский фольклор и культура детства: материалы научной конференции «XIII Виноградовские чтения». – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2006. – С. 43–64.

REFERENCES

1. **Afanas'yev, A. N.** Russkiye narodnyye skazki A. N. Afanas'yeva: v 3 t. T. I / A. N. Afanas'yev. – Moscow: Nauka, 1984. – 494 s.

2. **Belousov, A. F.** Detskiy fol'klor: itogi i perspektivy izucheniya / A. F. Belousov, V. V. Golovin, Ye. V. Kuleshov, M. L. Lur'ye // Pervyy vserossiyskiy kongress fol'kloristov. – Moscow: GRTSRF, 2005. – S. 216–239.

3. **Cherednikova, M. P.** «Golos detstva iz dal'ney dall...» (Igra, magiya, mif v detskoj kul'ture) / M. P. Cherednikova. – Moskva: Labirint, 2002. – 224 s.

4. **Dobrovol'skaya, V. E.** «Papa nam rasskazyval». Skazki v repertuare Marfy Zaytseyvoj s fazendy Santa-Krus / V. E. Dobrovol'skaya // Traditsionnaya kul'tura. – 2017. – № 2. – S. 19–27.

5. **Dobrovol'skaya, V. E.** Kham i Kalenye zuby: imena personazhey skazki syuzhetnogo tipa SUS 480V* / V. E. Dobrovol'skaya // Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Redaktsionnaya kollegiya: Ye. L. Berezovich (otv. red.), O. D. Surikova Ye. O. (otv. red.), Borisova (otv. sekr.), S. O. Goryayev, N. V. Kabinina, M. E. Rut; Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, Institut slavyanovedeniya RAN, Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. Yel'tsina, 2022. – S. 108–112.
6. **Dobrovol'skaya, V. E.** Istoriya fiksatsii skazki «Zhena uzha» (425M) u russkikh / V. E. Dobrovol'skaya // Traditsionnaya kul'tura. – 2015. – № 4. – S. 90–98.
7. **Dobrovol'skaya, V. E.** Tverskiye skazki ob uzhovoy neveste (SUS 425M) v kontekste obshcherusskoy skazochnoy traditsii / V. E. Dobrovol'skaya // Fol'klor Bol'shoy Volgi. Sb. nauch. st. / Sost. V. E. Dobrovol'skaya, Dynnikova I. V., Ippolitova A. B., Stroganov M. V. – Saratov: Tsentr kul'turnykh strategiy i proyektного upravleniya, 2017. – S. 202–220.
8. **FA PGU** – Fol'klorny arkhiv Permskogo gosudarstvennogo universiteta.
9. **Kaduyskiye skazki dlya detey.** Skazki, legendy, bylichki i nebylitsy, zapisannyye v Kaduyskom rayone i yego okrestnostyakh /Avtor-sostavitel' A. F. Kadantsev // Istoriko-krayevedcheskiy zhurnal «Svetets». – 2020. – № 6. – S. 5–95.
10. **Kamshilova, Ye. I.** Tverskiye skazki o zhenikhe-mertvetse. Iz arkhiva RGPU imeni A. I. Gertsena / Ye. I. Kamshilova // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – N 4 (Filologiya). – S. 38–56.
11. **Levkiyevskaya, Ye. Ye.** Mifologicheskaya sistema detskikh strashilok v sravnenii s traditsionnoy mifologiyey / Ye. Ye. Levkiyevskaya // Detskiy fol'klor i kul'tura detstva: Materialy nauchnoy konferentsii «XIII Vinogradovskiye chteniya». – Sanct-Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2006. – S. 24–34.
12. **Levkiyevskaya, Ye. Ye.** Bylichka kak recevoy zhanr / Ye. Ye. Levkiyevskaya // Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya. Sbornik statey v chest' 65-letiya S. YU. Neklyudova i 40-letiya yego nauchnoy deyatel'nosti / Sost.: A. S. Arkhipova, M. A. Gister, A. V. Koz'min. – Moscow: RGGU, 2008. – S. 341–363.
13. **Levkiyevskaya, Ye. Ye.** Strakh smerti v detskoy strashilke v sravnenii s traditsionnoy mifologiyey / Ye. Ye. Levkiyevskaya // Kategorii zhizni i smerti v slavyanskoy kul'ture. – Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2008. – S. 111–122.
14. **Lotman, Yu. M.** O semiotike ponyatiy styd i strakh v mekhanizme kul'tury / Yu. M. Lotman // Tezisy dokladov IV Letney shkoly po vtorichnym modeliruyushchim sistemam, 17–24 avgusta 1970 g. – Tartu: Tartuskiy gosudarstvennyy universitet. 1970. – S. 98–101.
15. **Lotman, Yu. M.** Okhota za ved'mami: semiotika strakha / Yu. M. Lotman // Slavic almanac (The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies), 2003. – Vol. 2003. – № 12. – C. 45–62.

16. **Mirvoda, T. A.** Detskiy strashnyy povestvovatel'nyy fol'klor: k voprosu o zhanrovom mnogoobrazii traditsii / T. A. Mirvoda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 436. Noyabr'. – S. 38–48.
17. **Mirvoda, T. A.** Detskiye strashnye istorii kak ob'ekt i forma parodirovaniya v fol'klоре Runeta / T. A. Mirvoda // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya. – 2018. – № 4. – S. 206–214.
18. **Mirvoda, T. A.** Detskiy «strashnyy» povestvovatel'nyy fol'klor: k probleme razrabotki ukazatelyey. Model' ukazatelya / T. A. Mirvoda // Vestnik RGGU. Seriya “Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye”. – 2018. – № 9 (42). – S. 61–78.
19. **Osorina, M. V.** «Chernaya prostynya letit po gorodu», ili Zachem deti rasskazyvayut strashnyye istorii / M. V. Osorina // Znaniye – sila. – 1986. – № 10. – S. 43–45.
20. **Rafayeva, A. V.** Fol'klornyye traditsii Verkhokam'ya. Skazki / A. V. Rafayeva // Zhivaya starina. – 2003. – № 3. – S. 41–42.
21. **Russkiye skazki Permskogo kraya v zapisyakh kontsa XIX – nachala XX v.** / A. V. Chernykh (otv. red.), V. Ye. Dobrovol'skaya, I. I. Rusinova, I. A. Podyukov, M. Ye. Sukhanova, O. S. Sivkov, Ye. N. Svalova, S. V. Khorobrykh, S. Yy. Koroleva. (Seriya: Fol'klornyy arkhiv. Permskiy kray) – Sankt-Peterburg: Mamatov, 2020. – 240 s.
22. **Semiotika strakha** / Sost. Nora Buks i Fransis Kont. – Moskva: Russkiy institut: Izdatel'stvo «Evropa», 2005. – 456 s.
23. **Shevtsov, V. A.** Strashnyy detskiy povestvovatel'nyy fol'klor: zhanry i teksty / V. A. Shevtsov // Detskiy fol'klor i kul'tura detstva: materialy nauchnoy konferentsii «XIII Vinogradovskiye chteniya». – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2006. – S. 43–64.
24. **Smirnov, A. M.** Velikorusskiye skazki: sbornik A. M. Smirnova: [v 2 kn.]. – Ivanovo: Roshcha, 2017. (Polnoye sobraniye russkikh skazok. Predrevolyutsionnyye sobraniya; T. 9).
25. **Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka** / Sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. – Leningrad: Nauka, 1979. – 438 s.
26. **Toporkov, A. L.** Pikovaya dama v detskom fol'klоре / A. L. Toporkov // Russkiy shkol'nyy fol'klor. Ot «vyzyvaniy» Pikovoy damy do semeynykh rasskazov / Sost. A. F. Belousov. – Moskva: Lodomir, Nazran': AST. 1998. – 743 s.